

ЮЛИЯ ЛИМ

И ВСЁ
НЕБО ДЛЯ
НАС

Издательство АСТ
Москва

Вдесять лет я стала мамой для младшей сестры. Наша мама не могла ухаживать за ней из-за болезни, поэтому я училась у интернета и медсестер. В первом искала то, о чем ни у кого не решалась спросить, а у вторых получала практические советы. Как правильно держать младенца, чтобы ненароком не уронить или что-нибудь не повредить; как проверять температуру молока и кормить из бутылочки.

Когда маму с сестрой выписали из роддома, я часами сидела, не шевелясь, и пялилась в одну точку. За одной стенкой спала мама, за другой верещала новорожденная сестра. Из-за этого я часто не высыпалась и приходила в школу сонной. Многие уроки пролетали мимо. Каждый день мечтала выспаться и не слышать криков Милы.

Когда мама оклемалась, я наконец смогла выспаться. Помогли жуткая усталость и беруши. Я не жаловалась, а просто делала, что нужно, потому как, кроме меня, у мамы никого не было. Мы держались друг за друга и благодаря этому какое-то время жили счастливо.

Я не просила рожать мне сестру, но все равно любила ее. Когда она хватала меня за руки или нос крошечными пальцами, когда смеялась и улыбалась, размахивая ножками, я чувствовала радость и ответственность. Это маленькое существо нуждалось во мне.

Мама работала, воспитывала нас и боролась за жизнь каждый день. Ее здоровье ухудшилось. В этот раз все оказалось серьезнее: мне позвонили с ее номера и сказали, что маму везут в больницу. Больше года я смотрела, как она угасает в палате;

смотрела, как Мила суетится возле ее койки: радуется, смеется и улыбается, не подозревая, как маме тяжело.

Однажды мама не проснулась.

Так, в шестнадцать я осталась одна с шестилетней сестрой в съемной квартире, за которую нечем платить.

С похоронами мне помогает соцработница. Кажется, она представилась и даже носит бейдж с именем, но я его не запомнила. Слишком много хлопот навалилось: нужно подобрать последний наряд для мамы.

Хоть я ничего не знаю о детских домах, не хочется даже думать о разлуке с сестрой. Беру мамин телефон и пролистываю список вызовов: большинство номеров не сохранено и глядят с экрана бело-красными полосками. Один из них попадаете чаще остальных. Что это? Кому мама так часто звонила в последний месяц? И кто звонил ей?

Вздрагиваю.

Неужели папа?..

Руки дрожат, смартфон едва не падает на пол. Успокаиваю сердцебиение, отсчитываю три секунды и жму на вызов.

— Да? — звучит мужской голос.

— Кто это? — вырывается у меня. — Вы звонили моей маме... и она вам звонила. Часто. Кто вы?

Молчание.

— Алло? — стискиваю телефон.

Ладони потеют, в горле сухо, как в пустыне.

— Вера? Ты?

— Да.

— Меня зовут Тихон.

Сердце ухает в живот, а потом меня отпускает. Не папа, его звали по-другому.

— Я твой дядя.

— Что...

Мама не общалась с родными, редко о них упоминала, а когда разговор касался семейных уз, она вскользь бросала: «У меня нет семьи. Больше не спрашивайте об этом».

— Как... — ничего более вразумительного с языка не сходит.

— Я уже в пути.

— Куда?..

— Надя попросила меня присмотреть за вами. Я знаю о Миле. Поэтому не волнуйся, я скоро буду в городе.

Мне должно стать легче, но каждая мышца плеч и спины напрягается. Вытираю ладони о штаны, перехватывая смартфон, и говорю:

— Почему я должна тебе поверить? Вдруг ты какой-нибудь мошенник или преступник?

— У меня есть аудиосообщения твоей мамы. Я дам тебе их прослушать, когда встретимся.

В груди колет. Прикладываю руку, хоть и знаю, что это не уймёт боль.

Кошусь на закрытую дверь. Я до сих пор не сказала сестре правду. Мила играет в комнате на планшете, смеется. И что мне с ней делать?

Не успеваю высказаться, как дядя продолжает:

— Я заслужу ваше с Милой доверие, Вера. Извини, не могу говорить. Дождитесь меня, ладно?

И вешает трубку.

Опускаю телефон, вслушиваясь в тишину и вглядываясь в экран. Выходит, даже перед смертью у мамы появились тайны, в которые она меня не посвящала. Вытираю подступившие слезы, пока они не скатились по щекам и не оставили заметный след.

Не время поддаваться чувствам. Нужно думать о крыше над головой и новой семье. Можно ли доверять «дяде», о котором узнаёшь впервые за шестнадцать лет? А вдруг это не дядя, а папа Милы, например? И что, если он удочерит ее, а меня отправит в детский дом? Как же плохо, что мне еще нет восемнадцати!

Из спальни доносятся громкие звуки. Мила включила телевизор и смотрит мультики. Взъерошиваю длинные растрепанные волосы и собираю их в хвост на затылке. Я договорилась с соседкой, что она заберет сестру к себе на время похорон. Кладбище — не место для ребенка.

Провожу руками по лицу, шумно выдыхаю. Отвожу ладони и замечаю, как дрожат от нервов пальцы. Мама учила меня быть сильной и всякий раз добавляла: «Ради сестры». Я поделила с мамой воспитание Милы и не виню ее. Она тяжело болела, боролась, и у нее получилось. Мы были счастливы, пусть и недолго. А потом случился рецидив...

— Вела-Вела-Вела!

Прихожу в себя от похлопываний по плечу. Сестра стоит рядом.

— Чего тебе?

— А дай шоколадку!

— Сначала ужин.

— Ну да-ай! — капризничает Мила, строя глазки.

Мама никогда не отказывала ей в сладостях, а мне велела делиться с сестрой. Верный способ заставить одного ребенка заводить другому — отбирать у него еду.

— Будешь так себя вести, ничего не дам.

— Ты злая! — В слезах сестра поджимает губы. — Злая-злая-злая!

Десять лет я жила и не ведала своего счастья, а последние шесть только и делаю, что вспоминаю о беззаботном детстве.

— Ты хочешь шоколадку или нет? — строго спрашиваю.

Мила вытирает слезы и активно кивает.

— Тогда иди в свою комнату и собери в рюкзак самые любимые игрушки.

— И ты мне за это дашь шоколадку?

— Да. Проверю через полчаса. — Мила уже бежит в комнату, и я кричу ей вслед: — Не вздумай меня обмануть!

Как бы она ни канючила, я все равно сдамся. Все равно сдавалась мама, оттаивали люди разного пола и возраста на улице и в магазинах.

В шкафу лежат две шоколадки «Милка», надо ли уточнять, почему именно они — ее любимые?

У меня есть несколько дней, чтобы продумать речь. Как объяснить шестилетнему ребенку, что мама больше не вернется? Я себе этого объяснить не могу, как не могу и принять, а уж ей... Мама была для нее всем, а я всего лишь старшая сестра. И хоть Мила любит меня, я никогда не смогу заменить ей маму.

Воспитывать детей — ноша трудная. А уж когда ты сам ребенок и ничего о жизни не знаешь, практически непосильная.

Пылесосу и мою полы. Присаживаюсь в кухне на табуретку, поглядывая на горку грязной посуды. Поджимаю колени, натягиваю на них длинную безразмерную футболку и обнимаю. За окном озеленившийся двор, соседи, спешащие на работу и по подъездам, и незнакомцы, сокращающие путь местными закоулками... Совсем скоро мы с сестрой шагнем из дома в неизвестность, и даже этого приевшегося вида не останется.

— Вела-Вела-Вела! — И снова Мила поддавливает меня. — Шоколадка!

Поднимаюсь с табурета и иду в ее комнату. Проверяю рюкзак: планшет со смартфоном, больше ничего. Типичный набор современного ребенка.

— Ну-у? — нетерпеливо тянет сестра, подпрыгивая.

— Ладно, дам я тебе твою шоколадку. Молодец. Зарядки только положи к технике. — Легонько треплю сестру по волосам.

Достаю одну плитку и возвращаюсь в комнату.

— «Милка» для Милки.

— Ула-а-а! — Сестра хлопает в ладоши, выхватывает шоколадку и легонько клюет меня в щеку. — Спасибо!

Она плюхается на кровать «в собранном виде — диван», и с довольным лицом ест, отламывая по кусочку от плитки. Все ее внимание сосредоточено на диснеевском мультике.

Врачи не скрывали от нас мрачные прогнозы, но... Я верила, что мама чудом выкарабкается и мы продолжим жить втроем, как было всегда.

К такому нельзя подготовиться. Нельзя однажды проснуться и осознать, что теперь ты точно уверена, как поступить и что сказать сестре.

Когда заканчивается мультик, выдыхаю и захожу к сестре в комнату. Мила лежит на полу, болтая ногами в воздухе и что-то рисуя восковыми мелками.

— Мила... — Опускаюсь на колени и кладу поверх них вспотевшие ладони.

— А когда мы поедem к маме? Я соскучилась. — Сестра подписывает красного корявого человечка «Мама». Он криво улыбается, с упреком взирая на меня крупными глазами-точками.

— Мы... Мы к ней не поедem.

— Почему? — Сестра бросает мелки, садится скрестив ноги и хмуро смотрит на меня. — Я что-то не так сделала?

— Нет... Конечно, нет. Просто...

За что это мне?..

Прикрываю глаза и на выдохе говорю:

— Мама умерла, Мила.

Тишина сдавливает горло. Сестра недоверчиво трясет головой.

— Что?..

— Ей больше не больно. Она не мучается, — продолжаю говорить, но уже успокаивая себя.

— Ты влешь! — Глаза Милы мгновенно наполняются слезами.

Раскидываю руки, чтобы обнять ее, но сестра бьет меня по ладоням и отсаживается в угол комнаты.

— Влунья! Уходи! Не хочу тебя видеть! — кричит она вперемежку с рыданиями.

Поднимаюсь и выхожу. За закрытой дверью слышны всхлипы и дрожащий голос сестры:

— Мамочка, это ведь неправда? Мамочка, не шути так!

Провожу ладонями по лицу. Сердце щемит.

Похороны. Пришло много незнакомых людей. Часть из них — соседи, которых я изредка видела на улице или на лестничных клетках. Они косятся на меня, перешептываются. Жалеют, наверное? Вот только они вернуться домой и забудут про наше с Милой горе, а нам от него никуда не деться.

Впервые за три дня вижу маму: ей сделали хороший помертвый макияж, она выглядит умиротворенной и спокойной.

— У нее больше ничего не болит, — бормочу себе под нос.

— Бедные девочки. Как же вам не повезло! Упокой Господь ее душу, — крестится сердобольная соседка.

Она говорит что-то еще, но я не слушаю. И так тошно, еще чужих причитаний не хватало.

Первой кидаю землю в могилу и отхожу. *Тук. Тук.* Комки земли, вылетающие из рук пришедших, словно град лупят по крышке гроба.

Могилу закапывают. Скорбящие галдящей рекой утекают в автобусы — их отвезут на поминки. Стою поодаль, дожидаясь, пока толпа рассосется. Холодный ветер дует в затылок и шею. Поеживаюсь. Кто все эти люди? Почему они так легко могут рыдать во весь голос, когда я не могу?

Ко мне подходит соцработница. Не знаю, что она собирается сказать, но у меня нет к ней доверия. Да, она организовала похороны, и никаких казусов не произошло, но...

Все взрослые врут. Постоянно. Сначала мама, потом ее брат, если он вообще настоящий. Сказал, что придет, но гроб

уже в земле, а нас с Милой завтра выселят из квартиры. Никто не посмотрит, что мы внезапно осиротели, деньги куда важнее.

— Вера, отвезти вас на поминки?

— Нет. Сестру надо забрать, не хочу обременять соседку.

Уважительно помолчав, соцработница снова прерывает тишину:

— Вера, мне звонил ваш дядя. Он просил немного подождать здесь. Хорошо?

Пожимаю плечами, сую замерзшие пальцы подмышки и блуждаю взглядом по сотням других могил.

— Кажется, это он, — замечает соцработница.

Приглядываюсь: высокий жилистый мужчина с походным рюкзаком на спине идет в нашу сторону. Не нравится мне этот тип.

— Вера! — кричит он и машет.

Игнорирую его жест. Незнакомец быстро приближается и, запыхавшись, спрашивает:

— Похороны уже закончились?

Пристально вглядываюсь в лицо «дяди». Соцработница отвечает ему:

— Да, вы немного опоздали.

— Тихон. — Он протягивает мне руку. — Мы говорили... по телефону.

— Ну... круто. — Поворачиваюсь к надгробию. — Сходи на могилу, раз пришел.

Пока «дядя» прощается с мамой, я наблюдаю за ним. Соцработница, дождавшись его возвращения, с явным облегчением передает ему какие-то документы.

— Вот, все готово. Провожу вас до дома. Нужно удостовериться, что точно заберете младшенькую, тогда и с формальностями покончим.

Приглядываюсь к Тихону. Сходство с мамой колоссальное. Будто это она в мужском варианте: те же ярко-голубые глаза,

нос с легкой горбинкой, широкие плоские губы, короткие темно-каштановые волосы. Даже ДНК-тест делать не надо — видно, что мы кровные родственники.

— И как ты собираешься забрать нас с Милой? — Перевожу взгляд с дяди на соцработницу и обратно. — Разве документы на опеку не оформляются месяцами?

Тихон скидывает рюкзак на локоть, достает полупрозрачную голубую папку с бумагами и протягивает мне:

— Я оформил документы заранее.

Хмурюсь, изучая строчку за строчкой. Теперь он наш опекун, деваться некуда. Кладу бумаги обратно в папку и отдаю:

— Дома обсудим.

Раз уж мама ему звонила, да еще и оставляла голосовые сообщения, если верить его словам... Лучше рискнуть. Глупо отказываться от крыши над головой, пусть и в таких сомнительных обстоятельствах. Да и Миле сейчас нужны уход, забота и друзья. И новое место.

Дядя пропускает соцработницу в автобус. Заходим следом, занимаем места и молчим до самого дома.

Под пытливыми взглядами взрослых вдавливаю кнопку звонка. За дверью слышится топот, но открывает соседка. Из-за нее выглядывает сестра.

— Вела, ну наконец-то! — Она выскакивает на лестничную площадку в тапочках и обнимает меня. — Почему так долго?

— Так вышло. — Треплю Милу по волосам.

Облегченно выдыхаю. Я приняла правильное решение, когда не взяла ее с собой.

— А это кто? — Сестра с любопытством разглядывает взрослых.

— Заходите, — предлагает соседка.

— Здесь я вас оставляю. — Соцработница жмет руку Тихону, а потом и мою. — Желаю удачи, Вера.

— Ага... — Сжимаю ее пальцы и тут же разжимаю.

Перестук каблуков эхом отдается в подъезде.

Дядя присаживается на корточки перед моей сестрой:

— Привет, Мила.

Она с любопытством смотрит на него, потом на меня. Рассеянно качаю головой.

— Очень приятно. — Пока я размышляю, можно ли ему довериться, отвечает Мила.

Они улыбаются друг другу, и теперь видно их отдаленное сходство. И все же я ему не верю.

— Извините, мы пойдем к себе. Спасибо, что присмотрели за Милой.

— Пустяки, — улыбается соседка. — Твоя сестричка скрасила старческое одиночество. — Ненадолго исчезнув в квартире, она появляется с тарелкой, накрытой полотенцем. — Вот, помяните маму пирожками.

— Спасибо. Отдайте ему, пожалуйста, — киваю на дядю.

Он поднимается, поправляет рюкзак и берет блюдо.

— Спасибо, — говорит соседке.

Достаю ключи и открываю дверь. Когда Мила и Тихон заходят внутрь, киваю соседке. Грустно улыбнувшись, она скрывается внутри.

Захожу в квартиру:

— Назови хоть одну причину, почему я должна тебе поверить?

— Ну, у тебя нет выбора. Или приют, или я.

Напряжение ползет от лопаток к плечам. Его невидимые пальцы вот-вот вцепятся в шею. Слова Тихона жестокие, но скажи он что другое, я в тот же миг вытолкала бы его за дверь.

Пьем чай с мясными пирожками. Мила нетерпеливо поглядывает на шкаф, намекая дать ей еще шоколадку, но я качаю головой. Лучше возьму лакомство с собой и подниму ей настроение потом. Вдруг не представится случай купить еще?

— Когда я уже пойду в комнату? — дуется сестра.

— Иди, — даю ей отмашку, и она убегает.

Облокачиваюсь на стол. Теперь мы можем поговорить как взрослые люди.

— Скажи правду, — требую я.

— Какую?

— Почему ты оформил опеку над нами? У тебя есть какой-то мотив, да? Ты хочешь получить мамино наследство? Или ты продашь нас с сестрой в рабство? Или мы будем горбатиться на твоём дачном участке, чтобы тебе самому не пришлось копать картошку? Иначе зачем тебе тащиться сюда, да еще и пешком?

Варианты сыплются пулеметной очередью. Смех Тихона вводит меня в ступор.

— Что смешного?!

— *Что* Надя тебе обо мне рассказывала?

Прикрываю дверь, чтобы сестра не услышала, и возвращаюсь за стол. На самом деле мама ничего о нем не упоминала, но он-то об этом не знает.

— Она говорила, что ты уголовник.

Дядя качает головой.

— Что, разве это не так? — указываю на его руки.

На костяшках и тыльных сторонах ладоней набиты татуировки. Может, у него плечи и предплечья тоже ими покрыты, только из-за длинных рукавов не рассмотреть.

— Татуировки это всего лишь украшение, — отвечает дядя.

Поджимаю губы.

— А машина где? Неужели у тебя ее нет? — перевожу тему.

— Есть.

— Тогда почему ты пришел сюда пешком?

— Потому что походы закаляют дух.

Прищуриваюсь, скрещиваю руки на груди. Мы с ним как два ковбоя: каждый подгадывает момент, когда лучше выхватить ствол из кобуры и пальнуть в противника.

— Ты что... из какой-то секты? — продолжаю допытываться.

Дядя улыбается одними глазами, достает телефон из кармана штанов и кладет передо мной. На экране раскрытый чат мессенджера. Ни одной буквы, только голосовые сообщения. На аватарах собеседников он... и мама.

— Надень, чтобы Мила не услышала. — Тихон дает мне наушники.

Засовываю вкладыши в уши. Амбушюры неприятно шуршат. Руки дрожат, сердцебиение ускоряется.

— Начинай отсюда. — Дядя включает запись.

Голос мамы звучит болезненно. Так, как звучал последние полгода.

Надя: Девочки останутся совсем одни... Ты должен их забрать.

От хриплого кашля на записи хочется плакать. В больницу маму забрали на скорой, и ей наконец стало немного легче. Но за отсутствие боли мама расплачивалась сонливостью и вялостью.

Тихон: Может, еще есть шансы? Я приеду и...

Надя: Это конец. Разве ты сам не слышишь? Я умираю. Пообещай, что заберешь девочек. Что не... бросишь их одних.

Тихон: Я обещаю.

Надя: Спасибо.

Включаю сообщение за сообщением. Слезы текут, нос забился. Шмыгаю им, прикрыв рот рукой. Забываю про дядю в кухне, не вспоминаю про сестру, что в любой момент может зайти. Я просто хочу слышать мамин голос. Хочу, чтобы он не переставал звучать.

Когда слезы высыхают и вырастает горка скомканных салфеток, чувствую себя опустошенной. Вдохнув и набравшись мужества, запускаю последние сообщения.

Надя: ...передай девочкам, что я их люблю.

Надя: И скажи Вере, что она умница.

И всё небо для нас

Надя: Я так много упустила из-за болезни.

Всхлипывания. Мама дышит медленно, с присвистом. Значит, конец уже приближался.

Надя: Вера будет сомневаться, что ты... что тебе можно верить.

Надя: Вера... Ничего не бойся. Бери Милу, и идите с Тишкой.

Надя: Все будет хорошо.

— Хватит, — сиплю.

Дядя наливает в кружку воды, и я жадно выпиваю ее.

— Мы пойдём с тобой... раз мама этого хотела.